

Do you choose what I choose —
more alternatives.

Energy derives from both the
plus and negative.

Metallica

ГЛАВА 1

Дивный новый мир

1

Сознание возвращалось плавно. В первые секунды мне показалось, что я спал и только что проснулся, затем быстро сообразил, что место, время и поза не слишком подходят для отдыха, а это может означать только одно — случилось что-то странное и, по всей видимости, неприятное.

Я лежал на левом боку, в позе эмбриона, а по мне активно ползал кто-то большой и жесткий. Он выругался на непонятном языке, и я вспомнил, кто это такой.

Еврейчик. Память услужливо подсказала имя: Ицхак. Именно Ицхак, а не Исаак, как он объяснил мне час назад, Исаак для него примерно то же самое, что для меня Серж. Вроде одно и то же, а вроде и разное. И поэтому называть его надо именно Ицхак, а не Исаак и тем более не Изя.

Тогда я просто пожал плечами и ничего не сказал. Какое мне дело, как надо называть этого еврейчика, а как не надо. Мне наплевать на него, он просто клиент, обычный мелкий бизнесмен, каких в Подмоскowie сотни тысяч, ему просто надо перевезти два десятка ящиков со склада в Туле на склад в Москве, точнее, в Южное Бутово. Мы знакомы с ним всего два часа, и еще через час он расплатится, и мы расстанемся навсегда, и потому мне глубоко наплевать на все его комплексы, да и на него самого, честно говоря, мне тоже наплевать.

Я открыл глаза и все вспомнил. Нет, через час мы с ним точно не расстанемся. Потому что моя «Газель» лежит на левом боку в кювете рядом с Симферопольским шоссе, а до этого она сделала три четверти оборота через крышу, и если на

небе нет бога, то ящики Ицхака разбросаны в радиусе пятидесяти метров вокруг. А если бог есть и если сегодня он не слишком занят, то ящики остались в кузове, их содержимое не разбилось, и дело ограничится отсутствием чаевых шоферу, то есть мне. Но если груз все-таки разбился, мне даже страшно представить, что скажет Гурген Владиленович, в самом лучшем случае мне придется срочно искать другую работу, а это не так просто, как думают чиновники из собеса.

Ицхак грязно выругался на своем иврите и, кряхтя, поднялся на ноги, стараясь не наступать на меня. В машине, лежащей на боку, это трудно. Я сдавленно застонал. Ицхак снова выругался, и на меня посыпались осколки стекла. Я рефлекторно закрыл лицо, и вовремя, потому что на меня обрушился настоящий стеклопад. Это еврейчик выдал на ружу остатки лобового стекла.

— Что ты делаешь, морда жидовская? — не выдержал я.

Я не антисемит, чеченская война давно выбила из меня глупые предрассудки. Если в кране нет воды... Ерунда все это, по сравнению с чучмеками жиды стали как родные. Куда мы катимся?

Щегольской ботиночек сорокового размера, не больше, отделился от моего плеча и, описав изящную дугу, скрылся из поля зрения. Ицхак счел за лучшее проигнорировать мой наезд. А может, просто не расслышал.

Я попытался придать телу вертикальное положение, но преуспел лишь частично. При первом же движении в верхней половине тела обнаружилось примерно пять-шесть очагов боли, терпимой, но крайне неприятной. Привычным жестом я потянулся к нарукавному карману, и свежий ушиб на плече отреагировал на это. Я остановил движение, потому что осознал его бессмысленность. Во-первых, боль не настолько сильна, чтобы колоть промедол. А во-вторых, моя война уже закончилась, и пусть я и одет в камуфляжную куртку, в левом нарукавном кармане лежит не шприц-тюбик обезболивающего, а два запасных электрических предохранителя.

Я глубоко вдохнул и выдохнул. А потом еще раз вдохнул и выдохнул. Голова чуть-чуть закружилась, но я не обратил на это внимания. Ребра не сломаны, и это главное. Может, од-

но-два и повреждены, но это не считается, в полевых госпиталях это вообще не считалось за ранение, одиночная трещина в ребре двигаться не мешает, а значит, и интереса для военврачей не представляет.

Я осторожно пошевелил руками, а затем плечами. Переломов нет, вывихов тоже. Ушибы есть, завтра все тело будет похоже на один большой синяк, но серьезных повреждений нет, и это хорошо. Я улыбнулся, левую щеку дернуло, и я понял, что лицу тоже досталось. Я попытался заглянуть в зеркало, но увидел только то, что его больше нет. Зато я увидел виновника торжества.

Мы ехали в правом ряду, я держал чуть меньше сотни — «Газель» была сильно загружена, и перенапрягать двигатель не было никакой нужды. Тем более что хозяин груза ни разу не дал понять, что перевозка срочная. Интересно, что за железки лежат в этих ящиках, это точно железки, ящики слишком тяжелые, чтобы быть наполненными чем-то другим. Если только не кирпичами, ха-ха.

Так вот, мы спокойно ехали в правом ряду, видимость была идеальная, температура чуть ниже нуля, как это обычно бывает в начале ноября, но день жестянщика еще не наступил, и дорога абсолютно сухая. Впереди замаячила хорошо знакомая по прошлому рейсу полоса особенно дерьмового асфальта, я отпустил газ и подумал, почему это в Тульской области знак «неровная дорога» висит перед каждой колдобиной, а в Московской области его вообще не встретишь. И это при том, что к северу от Оки дорога гораздо лучше, чем от нее же к югу.

А потом мое внимание привлекла небесно-голубая «шестерка», появившаяся в зеркале заднего вида и быстро приближавшаяся. Я представил себе, как она будет скакать на многочисленных поперечных складках асфальта, и непроизвольно улыбнулся. Я успел обратить внимание, что «шестерка» недавно покрашена, причем покрашена толстым и неровным слоем краски, а это может означать только одно — машина убита и совсем скоро ее будут продавать. Лоху. Потому что нормальный человек ни за какие деньги не купит подержанную машину, недавно покрашенную толстым слоем краски.

«Шестерка» поравнялась с моей «Газелью» и вырвалась

вперед. Водитель должен был видеть, что впереди асфальт превращается в стиральную доску, но он даже не замедлил скорость, и машина начала прыгать. А потом все происходило очень быстро, но очень отчетливо, как в кино.

Громкий стук. Маленькое тринадцатидюймовое колесо, отдельно катящееся прямо посередине правой полосы. Сноп искр из-под переднего правого крыла «шестерки». Почти не снижая скорости, она разворачивается поперек дороги и бросается под мою «Газель», как двадцать восемь героев-панфиловцев под фашистские танки. Я пытаюсь вывернуть руль вправо, понимаю, что это бессмысленно, но мозг не успевает остановить руки, живущие как будто своей собственной жизнью. Удар, совсем не страшный, я даже не ударяюсь о руль, напряженные до каменного состояния мышцы рук амортизируют удар. Машину неотвратно тащит в кювет. Я выкручиваю руль влево. Сквозь оглушительный скрежет днища «шестерки» об асфальт пробивается новая нота. Я понимаю, что левой рулевой тяги больше нет. А еще нет тормозов, потому что педаль резко проваливается. А еще я понимаю, что вот-вот...

Колеса растопыриваются, «Газель» резко дергается из стороны в сторону, будто пытается выбрать, с какой стороны объезжать препятствие. Скорость падает примерно до тридцати километров в час, и я решаюсь воткнуть первую передачу. Поздно. От резкого толчка двигатель глохнет, на мгновение «Газель» зависает над кромкой кювета, а потом медленно и неотвратно рушится вниз. Я валюсь на еврейчика, мир переворачивается, и я вырubaюсь.

Сейчас «шестерка» стоит поперек дороги, правый бок промят до центра салона, переднего колеса нет... заднего тоже уже нет. Хлам. Я выбиваю ногой остатки лобового стекла, и левое бедро простреливает острый приступ боли. Ничего страшного, это просто ушиб. Я выбираюсь наружу.

Левый ряд шоссе остался свободным, и по нему одна за другой медленно ползли машины, боязливо огибая мертвую «шестерку». Никто не остановился. Хотя нет, по разделительной полосе бежали два мента в бронежилетах и с укороченными автоматами. С чего это вдруг такая экипировка? Наверное, какой-нибудь ОМОН ехал по своим делам, увидел аварию и

решил помочь. Менты тоже люди, ничто человеческое им не чуждо.

Ицхак стоял в стороне и громко ругался на своем иврите в сотовый телефон. Длинные курчавые волосы, собранные в конский хвост, смешно развевались на ветру. Маленькие кругленькие очки придавали Ицхаку вид обиженного ботаника. Экий огромный у него телефон, не иначе как в DAMS'е работает. Странно, утром у него был «Сименс», совершенно нормальный, даже чуть-чуть понтовый.

Из «шестерки» вылез седобородый дед лет примерно семидесяти. Дед заметно трясся, и я ему посочувствовал. Сегодня ему надо нажраться до свинского состояния, а завтра сходить в церковь и поблагодарить бога за второе рождение.

Под ногой что-то зашуршало, я опустил глаза и увидел, что мои неприятности только-только начинаются. Потому что я понял, что было в ящиках, которые я вез в Москву. Патроны от «калашникова».

Менты еще ничего не видели, зато Ицхак их заметил. Он аж взвизгнул, выбросив в трубку новый поток еврейской ругани, и прекратил разговор. Трубка скрылась в недрах кожаной куртки-косухи, очки улетели далеко в сторону, я запоздало сообразил, что в них были вставлены простые плоские стекла, глаза Ицхака сквозь очки не казались ни большими, ни маленькими. Двигаясь быстро, но грациозно, Ицхак скрылся за перевернутым кузовом.

Менты приближались. Не отрывая от них очумевшего взгляда, я начал медленно отходить с будущей линии огня, стараясь не делать резких движений и держать руки на виду. Что-то большое и круглое подвернулось под ногу, я оступился и с трудом удержал равновесие. Граната «Ф-1», она же «лимонка». В походном положении, с пластмассовой пробкой вместо запала.

Один из ментов проследил мой взгляд, обратил, наконец, внимание на паническое выражение моего лица, зыркнул вокруг и разглядел рассыпанные патроны. Он что-то крикнул своему напарнику и сбросил автомат с плеча. Из-за «Газели» грянул выстрел, и между двумя глазами мента появился тре-

тий. Второй мент рухнул наземь, прогремела очередь, прорезавшая тент «Газели» полосой аккуратных круглых отверстий.

Я машинально потянулся к нательному кресту и понял, что лучше бы я этого не делал. Потому что вещи снова обрели неестественную отчетливость, я увидел, как дуло автомата стало медленно перемещаться в мою сторону, и понял, что не успею упасть. Я изо всех сил сжал крест, неразборчиво взмолился и зажмурил глаза.

2

Зачистка началась в полдень. Дело не обещало быть жарким, ежу было ясно, что боевики давно покинули аул, но лейтенант приказал не расслабляться и быть готовым ко всему, потому что он хочет командовать солдатами, а не труппами.

Нам с Конаном достался ничем не примечательный глинобитный домишко, который во времена Льва Толстого назывался саклей, а сейчас даже не знаю, как и называется.

Конан — это Леша Перепелкин из Брянска. Его прозвали Конаном, потому что на гражданке он развлекался в клубе исторического фехтования и всех задолбал рассказами о том, как они ставили для какого-то писателя судебный поединок на двуручных мечах. Он пытался демонстрировать приемы фехтования, используя вместо меча разнообразные палки, но добился только того, что к нему прилипло это прозвище. И еще к нему почти не приставали «деды», потому что никому не хотелось получить оглоблей сначала под дых, а потом по голове, и все это без малейших шансов ответить.

В домишке жила бабка. Русская бабка. На восьмом году войны в глухом горном ауле жила русская бабка. Как говорится в рекламе, шок — это по-нашему.

— Бабушка, а вы правда русская? — спросил Конан с глупым выражением на лице.

— Правда, — отозвалась бабка, — самая что ни на есть русская.

— Как же вы живы до сих пор? — удивился Конан.

— С Божьей помощью, — слово «Божьей» бабка произнесла с большой буквы. — Истинная вера всем понятна, даже бу-

сурманам и нехристям. Не бойтесь, внушки, они меня не тронут.

Бабка помолчала, будто прислушиваясь к чему-то, и добавила:

— Зря вы сюда пришли. Те, кого вы ищете, на западном склоне высоты 532. Там, где на карте маленький овал, вытянутый слева направо. Их трое, у них два автомата и очень мало патронов... сорок девять, из них два подмоченных. У них землянка под тремя соснами, эти сосны там одни такие, их ни с чем не перепутаешь. Так вот, эти парни там переночуют, а утром вернутся сюда. Ночью они не будут выставлять караул, это глупые мальчишки, они еще не верят в смерть. А ты, — она уставилась на меня, — веришь в смерть?

Я неопределенно пожал плечами.

— Возьми, — сказала она и протянула мне простой серебряный крестик. Я так и не понял, откуда она его вытащила, он как будто сам собой появился на ее морщинистой ладони.

— Держи, сынок, — сказала бабка, — и носи его, не снимая. Восьмого сентября он спасет твою жизнь.

Ночью мы взяли троих боевиков на западном склоне высоты 532. Это были совсем мальчишки, они не умели воевать, они даже не организовали охранение. У них было только два автомата на троих, и исход боя решило то, что в обоих автоматах заклинили патроны, и эти, с позволения сказать, бойцы не смогли быстро устранить неисправность.

Восьмого сентября мы попали в засаду. Меня контузило в самом начале боя, и я провалялся в канаве до тех пор, пока все не кончилось. Только тогда я пришел в сознание, и оказалось, что я остался в живых один из взвода. В медсанбате определили, что контузия легкая и что я могу оставаться в строю. До дембеля было меньше двух недель, я хотел на сверхсрочную, все было договорено, но замкомполка отказался подписывать контракт. Он не сказал ничего определенного, но я все понял по его глазам. Он считал, что восьмого сентября я струсил.

Так и получилось, что я неожиданно-негаданно очутился на гражданке. Почти месяц я искал работу и в конце концов нашел место водителя и одновременно грузчика «Газели» Гурге-

на Владиленовича. Дерьмовая работа, но хорошо, что удалось найти хоть что-то. То есть до сегодняшнего дня было хорошо.

А теперь у меня нет работы и скоро не будет жизни. Что это никто не стреляет? И тихо как-то... Я открыл глаза.

3

В лесу лежал снег. Он лег совсем недавно, это был самый первый снег, он еще не затрудняет передвижения, но уже лежит.

Какой снег? Какой лес? Где дорога? Где менты? Где Ицхак, в конце концов? Я отпустил крестик, и он провалился в многослойные недра моего камуфляжа. И я увидел Ицхака.

Он настороженно озирался по сторонам, выставив перед собой пистолет, как полицейский в голливудском фильме. Это был «АПС», автоматический пистолет Стечкина, серьезное оружие, отличное по стрелковым качествам и очень надежное, но крайне трудное в освоении. Только настоящие профессионалы предпочитают Стечкина более распространенным «ПМ» и «ТТ».

— Что случилось, Сергей? — спросил Ицхак.

В его голосе явно прорезался акцент, раньше почти незаметный. Очевидно, волнение. Я сообразил наконец, где я слышал акцент, подобный тому, который раньше считал еврейским. Отличная идея — замаскировать чеченца под еврея, русский вряд ли заметит подделку, кроме того, нормальному русскому человеку даже в голову не придет, что кто-то может прикидываться евреем.

А вокруг расстилался лес. Обычный среднерусский лес, каким он бывает, когда осень сменяется зимой. Только дорога Москва — Крым куда-то исчезла вместе со всеми машинами. И поле справа от дороги превратилось в лес. А «Газель» наша лежала на боку посреди поляны и казалась настолько же естественной деталью пейзажа, как белый медведь посреди джунглей.

— Что случилось, Сергей? — повторил вопрос Ицхак.

— Да ничего не случилось, Ицхак, — ответил я. — Или как там тебя правильно зовут? Аслан? Шамиль?

Ицхак подозрительно посмотрел мне в глаза и ответил:

— Усман. Я не вайнах, я араб.

— Араб? — удивился я. — Араб и маскируешься под еврея?

— Джихад списывает все грехи. Так все-таки, в чем дело?

Что произошло?

— Не знаю, — ответил я, стараясь говорить равнодушно.

— Ты лжешь! — Ицхак, то есть Усман, раздраженно дернул пистолетом. — Я чувствую, ты что-то знаешь. Говори!

Я пожал плечами и начал говорить.

— Вот этот крест, — сказал я, — подарила мне одна старая женщина. Это было в Чечне, меньше трех месяцев назад. Женщина была русская. Она жила там все это время в самой обычной хижине в самом обычном ауле.

— Это невозможно! — удивился Усман.

— Возможно. Ее не трогали. Она рассказала нам, где находится те, кого мы искали, а потом рассказала, как будет протекать бой. А мне она дала этот крест и сказала, что он спасет мою жизнь. Она назвала день, когда это случится. Это случилось.

— Она назвала сегодняшний день?

— Нет, это было восьмое сентября. Тогда был бой, меня контузило, и только поэтому я остался жив.

— Ты не похож на контуженного.

— Я думаю, что на самом деле меня не контузило. Крест заставил меня потерять сознание и тем самым спас мою жизнь.

— Тебя не называли трусом после этого?

— В глаза — нет. Но мне отказали в подписании контракта.

— Контрабасом хотел стать? — В глазах Усмана мелькнуло удивление. Казалось, он думает: сразу меня пристрелить или попозже.

— А кем мне еще быть? — Я развел руками. — Я больше ничего не умею, разве что «Газелью» управлять. Это почти как БТР.

— Знаю. Значит, ты схватился за свой крест, и все исчезло. Ты знаешь, где мы находимся?

— Нет. А ты?

— Рельеф местности не изменился. Время года, по-моему,

тоже, но погода другая. И растительность совсем другая. Я бы предположил, что мы... бред, конечно, но по-другому не объяснить. Боюсь, что мы в прошлом. — Последние слова он выговорил с трудом.

Я глупо хихикнул.

— А почему не в будущем?

— Нет ни дороги, ни поля. Если мы в будущем, то в очень далеком. Такие проплешины зарастают лесом очень нескоро.

— Да ну, это ерунда какая-то! Машина времени — это фантастика.

— Амулет, спасающий жизнь, — тоже фантастика.

Усман немного помолчал, а затем неожиданно спросил:

— Сергей, ты, наверное, хочешь меня пристрелить?

Я поколебался, но решил ответить правдиво. Потому что он сразу понял бы, что я лгу.

— Если бы ты встретился мне там, — сказал я, — я бы не стал брать тебя в плен.

— Я встретился тебе здесь. Здесь тебе не тут. — Усман коротко хохотнул. — Если я повернусь к тебе спиной, ты убьешь меня?

— Из чего? Я не вооружен.

— Чтобы убить человека, не обязательно иметь оружие. Так ты убьешь меня, если представится случай?

Я пожал плечами:

— Прежде всего я хочу вернуться обратно. А там посмотрим.

— Хорошо. Только давай отойдем метров на пятьсот вон туда. — Усман махнул рукой в ту сторону, где несколько минут назад была дорога. — Я не хочу материализоваться рядом сдохлым ментом.

— Я тоже, — сказал я, и мы пошли.

Я шел впереди, Усман следовал за мной метрах в пятнадцати. Он не держал меня на прицеле, но я прекрасно понимал, что у меня нет шансов ни одолеть его, ни убежать. Лес не настолько густой, чтобы можно было затеряться среди стволов, а прыжки с криком «кийя!» удаются в подобных ситуациях только Джеки Чану.

Минут через пятнадцать, когда мы прошли заметно больше, чем полкилометра, Усман крикнул:

— Стой!

Я остановился.

— Давай, действуй, — сказал Усман.

— Что делать-то? — не понял я.

— Возьми свой амулет и попробуй сделать то же самое, что ты сделал тогда. Только наоборот.

Я запустил руку под камуфляж и вытащил крест. Почему-то мне сразу показалось, что ничего не получится. И я не ошибся. Как я ни пытался настроиться на соответствующий лад и передать кресту часть своего желания, ничего не вышло. Минут через десять Усман не выдержал.

— Достаточно, — сказал он. — Если бы ты мог сделать это, ты бы все уже сделал.

Я отпустил крест. Почему-то я почувствовал некоторое облегчение. С чего бы это?

— Скажи мне, Сергей, — задумчиво произнес Усман, — у вас, русских, есть какая-нибудь клятва, которую нельзя преступить?

Я отрицательно помотал головой.

— Я так и думал, — сообщил Усман. — Если я оставлю тебя здесь, а сам уйду, ты не будешь охотиться за мной?

— Как? — не понял я. — С голыми руками охотиться в лесу за вооруженным человеком?

— В «Газели» оружия хватит на целый взвод. — Он вздохнул. — Если бы я мог тебе поверить, я предпочел бы не оставлять тебя. У двоих гораздо больше шансов выжить, чем у одного.

— Так что тебе мешает? — не понял я. — Я не буду нападать на тебя до тех пор, пока мы не выберемся в нормальные места.

— Почему я должен тебе верить?

— А зачем мне тебя обманывать?

Ответ на этот вопрос Усман обдумывал очень долго, а когда он открыл рот, сказал:

— Поклянись своим крестом.

— Как это? — не понял я.

— Повторяй за мной. Клянусь этим крестом, что до тех пор, пока не выберусь из этой неестественной местности, я не причиню никакого зла моему попутчику Усману. А если я нарушу эту клятву, пусть крест, которым я клянусь, испепелит мое тело и погубит мою душу.

С некоторым удивлением я повторил эти нелепые слова. Он что, верит, что эта дурацкая клятва меня остановит? Это он зря. Но он прав, пока мы не выберемся отсюда, я не буду на него нападать, но не из-за клятвы, а просто потому, что это неразумно. Если мы действительно провалились в другое время, его помощь будет более чем кстати. По крайней мере, на первых порах.

Другое время, блин! Неужели я сам начинаю верить в эту чушь?

4

В ящиках, валяющихся вокруг останков «Газели», находился полный комплект вооружения мотострелкового взвода. Не знаю, на каком складе террористы утащили такую гору оружия за один раз, но в газетах о подобных кражах не писали еще ни разу. Куда катится страна?

Я нацепил на ремень фляжку и два подсумка и почувствовал то, что в умных книжках называется «дежавю». Кажется, будто война никогда не уходила из моей жизни, будто я снова вернулся к делу, ставшему для меня привычным за два последних года. Автомат, подствольник, патроны, гранаты, саперная лопатка... брать или не брать? Лучше взять, в случае чего можно будет выкинуть. Каска... нет, это перебор. Бронетюфяк — аналогично.

— С оптикой работал? — спросил Усман, я поднял голову и увидел, что он экипировался по полной программе.

— Нет, — сказал я, — да и на хрена нам оптика?

— Пожалуй, ты прав, — задумчиво проговорил Усман, — автомат она не заменит, а два ствола тащить несподручно. А тюфяк ты все-таки возьми, пригодится. Если что, выкинешь. Ты кто, кстати, по званию?

— Старший сержант.

— А я лейтенант. Спецназа.

— Аль-Каиды, что ли? — хмыкнул я и почти не удивился, когда Усман кивнул.

— А ты кто? — спросил он. — Махра или десант?

— Разведрота десанта.

— Круто. Но командовать парадом буду я. Возражения?

Я молча пожал плечами. Какие тут могут быть возражения? Командовать должен тот, кто умеет командовать, а я уже понял, что Усман командует лучше. Дело даже не в том, что он лейтенант, а я сержант, дело в том, что он *правильный* лейтенант.

— Слей бензина в канистру, — сказал Усман, — пригодится костер разводить, если ночевать придется. — Он вздохнул и добавил: — Никак не могу лазерники найти, хоть убейся. Неужели выпали?

— Лазерные прицелы? — уточнил я. — А на кой хрен они нам?

— Когда-нибудь работал с ними?

— Нет.

— Тогда ты не поймешь. Ладно, хватит копать, пошли.

5

Мы двинулись на запад. Усман объяснил, что старая Варшавская дорога проходит к западу от Симферопольского шоссе и что она должна быть на месте, даже если мы угодили в прошлое лет на пятьсот. Я пропустил это объяснение мимо ушей, по-моему, для нас любое направление одинаково хорошо. Но запад так запад.

За весь день нам не встретился ни один человек, зато звериных следов попало на глаза видимо-невидимо. И это в ноябре, когда снег лежит еще не сплошняком, и звери предпочитают обходить заснеженные участки, чтобы не оставлять следов. Да какие звери! Одни только медвежьи следы заметили раз пять. Интересно, когда в Подмосковье вымерли медведи?

Ни следов человека, ни белых хвостов самолетного выхлопа в синем небе, ни рева автомагистралей, слышного за километр, ни гудков электричек, слышных еще дальше. Ни одной

бумажки на земле, ни одного бычка и ни одной пустой бутылки. За весь день! Неужели Подмосковье когда-то было таким?

Ночевать пришлось в лесу. Хорошо, что земля не промерзла и землянку удалось отрыть без большого труда. То, что у нас получилось, нельзя назвать настоящей землянкой, и это неудивительно, ведь мы трудились над ней не больше часа. Это так, одноразовое убежище, а оно не должно быть очень хорошим, главное — не околеть от ночного мороза. Жалко, что в ящиках не нашлось спальных мешков, но ничего, мне не впервой проводить ночь в полудреме между жаром костра и пронизывающим холодом окружающей ночи, когда важно — не забыть вовремя перевернуться другим боком к огню, причем сделать это надлежит так, чтобы не вкатиться в костер и не выкатиться за пределы обогреваемой территории. Хорошо, что снега немного и талая вода не стремится превратить кострище в гигантскую лужу.

Я думал, что мы будем спать бок о бок, но Усман настоял на том, чтобы спать по очереди. Я не стал возражать, тем более что Усман выделил себе более тяжелую утреннюю стражу. Ровно до двух часов ночи я тарасился то на огонь, то в непроглядную тьму, а потом толкнул Усмана, он моментально проснулся, я рухнул на лежанку, еще хранившую его тепло, и погрузился в беспросветный сон без сновидений.

6

Мы вышли к дороге около полудня. Эта дорога совсем не походила на привычную асфальтовую ленту, у нас такую дорогу назвали бы даже не проселочной, а лесной. Две глубокие и ненормально узкие колеи, совсем недавно разъезженные до непролазного состояния, а теперь затвердевшие от первого мороза. Я не сразу понял, что необычного в этих колеях, а когда понял, мурашки пробежали по моей спине.

По этой дороге не ездили автомобили. Никогда. След автомобильного протектора не перепутаешь ни с чем, разве что со следом мотоцикла, но мотоциклы по этой дороге тоже не ездили. Здесь ездили гужевые повозки, притом в огромном количестве, ездили всадники (следов копыт слишком много

по сравнению со следами колес) и ходили пешие путники, чаще обутые в лапти, чем в сапоги. Да-да, пешие путники, слишком много следов человеческих ног, почти столько же, сколько отметин лошадиных копыт. Жутко представить себе, что человек по доброй воле может повторить наш вчерашний путь, да еще не в течение одного дня, а... сколько нужно, чтобы пешком пройти от Москвы до, скажем, Орла? Хотя нет, не все так страшно, вдоль дороги обязательно должны быть какие-то постоянные дворы или как они там называются... трактиры, что ли?

Но что это такое, неужели мы действительно в прошлом?

Усман поднял палец вверх, и по вбитой за два года прищечке я замер на месте. Справа доносился какой-то шум, кажется, песня. Усман проворно отступил в лес, и я последовал за ним. Мы залегли под защитой кустарника, прямо как разбойники, честное слово.

А мы и в самом деле больше всего похожи сейчас на разбойников, если только в этом веке встречаются разбойники в камуфляже и бронежилетах. Я подполз поближе к Усману.

— Зачем? — тихо спросил я. — Ты что, хочешь напасть?

— Я хочу посмотреть, кто они такие, — так же тихо ответил Усман. — Дальше будем действовать по обстоятельствам. Без сигнала в драку не лезь.

— Думаешь, будет драка?

— Вряд ли. Они, конечно, начнут катить, но вряд ли в этом времени встречаются автоматы. Первая же очередь должна убедить их не дергаться.

— И что тогда?

— Тогда мы начнем задавать вопросы.

Песня приближалась, это было что-то русское народное, но эта песня не походила ни на одну из известных мне. Скоро стали различимы отдельные слова, и я понял, что песня наполовину состоит из мата. Усман тихо хихикнул. Это и вправду смешно, этакий «Сектор Газа» в фольклорной обработке.

Караван появился в поле зрения. Три повозки, первая запряжена двумя лошадьми, остальные одноконные. Лошади мелкие и заморенные, люди, в общем, тоже. Три человека: старый, но еще крепкий дедок, мужчина лет тридцати с густой

грязной бородой неопределенного цвета и глазами дебила и белобрысый подросток лет четырнадцати. Все одеты в неопределенно-грязные куртки, сразу и не поймешь, то ли кожаные, то ли тканые, из памяти стали всплывать русские народные слова вроде «зипун» и «армяк», короче, три бомжа на выезде. На первой телеге лежали какие-то неясные мешки в количестве пяти-шести штук, остальные ехали порожняком. Куда это они, интересно, направляются? На рынок?

Когда от нашего укрытия до первой телеги осталось метров пять, Усман резко выкатился на дорогу. Я остался страховать его, вряд ли это потребуется, но вреда точно не будет.

Дед, продолжавший нести рифмованную похабщину, умолк на полуслове, его челюсть отпала, выставив на всеобщее обозрение гнилые зубы. Подросток дернулся к краю телеги, но Усман повел стволом в его сторону, и подросток остался на месте.

— Здравствуйте, люди добрые! — провозгласил Усман.

— И ты здравствуй, коли не шутишь, — ответил дед, напряженно вглядываясь в нежданного встречного.

— Куда путь держите?

Дед помедлил пару секунд, после чего ответил:

— Местные мы. Из Михайловки. Туда путь и держим.

Усман махнул рукой в мою сторону, и я вылез из кустов. Глаза мальчонки тревожно расширились, он понял, что ему грозило, решился он на побег.

— Подвезете? — спросил Усман.

— А куда мы денемся? — отозвался дед. — Докуда вам?

— В аккурат до вашей Михайловки. Да ты не бойся, дед, мы не разбойники, это у нас только вид такой.

— Как же, не разбойники, — не поверил дед. — Без крестов, да с пищалями, да с какими еще пищалями! Я таких во век не видел.

— Почему же без крестов? — удивился я. — Вот, смотри, мы тоже крещеные.

Я вытащил нательный крест из-под камуфляжа, и это произвело на аборигенов совершенно неожиданное действие. Все трое моментально ссыпались в замерзшую грязь и встали на колени.

— Не губите, ваши священства, — заголосил дед. — Простите скудоумного, что не углядел вовремя и честь не оказал. Они не виноваты, — он махнул рукой назад, туда, где стояли на коленях остальные возницы, — лишь на мне едином вина, ибо сказано... — он задумался, — короче, на мне одном вина, а молодые си безвинны. Молодые си, — повторил он со вкусом.

— Погоди, дед, — не понял я, — ты что это несешь? Как ты мог увидеть мой крест, если он под одеждой?

Дед состроил подчеркнуто идиотическое выражение лица, и я понял, что все предыдущее было спектаклем, рассчитанным на... на что? Что мы с Усманом не будем гневаться на то, что не получили положенных почестей? А с чего нам гневаться?

— Какой сейчас год? — спросил Усман.

— Засушливый, — с готовностью ответил дед, — только-только и собрали хлебушка, чтобы с голоду не сдохнуть да подати заплатить. С божьей помощью, — добавил он и состроил такое ангельское лицо, что стало сразу понятно, что хлеба в этом году собрали все-таки несколько больше.

— Какой год от Рождества Христова? — уточнил Усман.

— Как какой? — не понял дед.

— Сколько лет прошло с тех пор?

— Ой, много! Так много, что и не упомнить! Страсть как много!

— Ты грамотный?

— Никак нет, ваше священство! Закон блюдем свято. И никто из моих ни-ни, ни в коем разе, спаси господи.

— Кто сейчас правит страной?

— Анператор.

— Как зовут?

— Его анператорское величество Николай Александрович Второй.

Усман повернулся ко мне и растерянно произнес:

— Ничего не понимаю. Если правит Николай Второй, здесь должна быть железная дорога.

Он снова повернулся к деду:

— Где железная дорога?

— Не могу знать, ваше священство. Окромья вот этой вот дороги, других не ведаем.

— Понятно... А скажи-ка мне, дед, вот что. Кто в вашей деревне помещик?

— Его сиятельство боярин Евпраксин, Аристарх Львович.

— Параллельный мир, — сказал я.

— Что? — не понял Усман.

— Это не прошлое, это параллельный мир. У нас во времена Николая Второго крепостного права уже не было.

— Значит, это прошлое параллельного мира. Или это не тот Николай Второй. Ладно, поехали в эту Михайловку, здесь от них все равно больше ничего не добьешься. И вот еще что. — Он обернулся к аборигенам: — Смотрите сюда.

Усман лениво размахнулся расслабленной рукой и резко ударил по краю телеги. Кусок горбыля шириной с пол-ладони и толщиной в палец с хрустом разломился.

— Если кто-то дернется, — сказал Усман, — и я подумаю, что этот кто-то хочет завладеть нашим оружием, с ним будет так же. Понятно?

Аборигены дружно закивали, мы погрузились на подводы и двинулись в путь. Дебилоподобный мужик пересел на первую телегу, мальчишка — на вторую, а третью оккупировали мы втроем с Усманом и дедом.

7

Деда звали Тимофеем, мужика — Устином, а мальчишку — Федором. Устин был сыном деда, а Федор, соответственно, внуком. Я отметил, что первые буквы имен следуют в алфавитном порядке, и сказал это деду, но тот то ли не знал, что такое алфавит, то ли смертельно боялся обнаружить свое знание. Кажется, в этом мире крестьянам запрещают учиться грамоте. Почему?

Дед Тимофей ответил на этот вопрос обстоятельно и со знанием дела.

— А зачем хрестьянину буквы знать? — спросил он и сам себе ответил: — Незачем. Одна беда от этой грамоты простому человеку. Ничего хорошего для простого человека в буквицах этих нет и быть не может.

— А как же Библию читать? — спросил я.

Дед так перепугался, что, казалось, стал вдвое меньше.

— Да что вы говорите, ваше священство! — забормотал он. — Нешто мы совсем темные? Мы же знаем, что Библию читать токмо вашим священствам дозволено, а нам запрещено наистрожайшим образом.

— А с чего ты взял, что мы священники? — подал голос Усман.

— Как это с чего? Вон у товарища твоего крест на груди. Нешто не ясно?

— Разве обычные люди не носят кресты? — удивился я.

— Да как можно! — Дед зашелся от негодования. — Свято-татство и богохульство!

— А как у вас к мусульманам относятся? — спросил Усман.

— К бусурманам? Да никак. Люди как люди, только вера у них другая.

— Поганая? — уточнил Усман.

— Ну да, поганая, языческая то есть.

— Как же это языческая? Языческая вера — это когда богов много, а у мусульман бог един.

— Не знаю я, — вывернулся дед, — я человек, святым делам необученный. Слыхал я, что бусурманская вера поганая, а правда то или нет, мне неведомо. Может, и неправда. А ежели хотите порасспросить кого, так вам в Троицк надо, это по московской дороге два дня пути и один день в сторону, на запад. Там монастырь стоит, там вам монахи на все вопросы и ответят. — Дед загадочно хихикнул.

— А сколько народу в Москве живет? — спросил я, сам не знаю зачем.

— Тьма-тьмушая, — лаконично ответил Тимофей.

— А точнее не знаешь?

— А кто ж его знает точнее? Много там народу, больше, чем в Серпухове, в Подольске и в Троицке, вместе взятых, вона как много!

— А что у тебя в мешках, что на первой телеге? — спросил Усман.

Дед Тимофей замолчал, будто прикусил язык. Потом он нехотя произнес:

— Значит, разбойники.

— Да не разбойники мы никакие! — возразил Усман. — Просто интересно, что, спросить нельзя?

— Спросить-то можно, — печально сказал дед. — Ситец там, рогожа, платок шелковый для Маськи, гвозди железные, крючки рыболовные, соль пищевая... мы же с рынка едем, сено продавали. Отбирать будете?

— Да ну тебя! — рассмеялся Усман. — На хрена нам все это барахло! Если нас с Сергеем покормить, да в баньке попарить, да разговором развлечь, так ничего нам больше и не нужно от вас. Можем и заплатить.

— Чем заплатить? — заинтересовался дед.

Усман вытащил гранату из одного из многочисленных кармашков камуфляжа.

— Знаешь, что такое? — спросил он.

— Нет. — Дед боязливо отодвинулся в сторону.

— Дергаешь за кольцо, бросаешь и прячешься. Через четыре секунды она взрывается.

— Это как?

— Разрывается на части вдоль насечки, а вот эти квадратички разлетаются во все стороны.

— Как пули?

— Примерно.

— Проверяете, ваше священство?

— С чего ты взял?

— Проверяете, не польщусь ли на запретное. Нет, ваше священство, у нас в Михайловке законы чтят как положено. Будет вам и обед, и баня, и все остальное, и все за бесплатно, как и положено. А яйцо вот это я у вас и даром не возьму.

— Почему?

— Запретное потому что.

Мы еще долго ехали, почти до самого вечера. Ни одного постоянного двора на дороге не встретилось, Тимофей пояснил, что они размещаются в дне пути друг от друга и до следующего мы доехали бы в аккурат к закату. Трижды мы встречали встречные обозы, которые при виде нас заранее съезжали на обочину, уступая дорогу. Хозяева одного обоза даже куда-то попрятались, и, если бы мы с Усманом польстились на немудреное добро, наваленное в телеги, оно досталось бы нам

без малейшего труда. Странно, что никто нас не обгонял, хотя мы ехали шагом, и что нам не встретилось ни одного всадника и ни одного пешего путника.

Я спросил об этом деда Тимофея и получил исчерпывающий ответ:

— Боятся. Попрятались, стало быть.

— А чего боятся? — удивился я.

— Как чего? Вас и боятся. С пищалями, в броне, да еще в такой страшной броне, ненашенской. Любой испугается.

Больше мы не возвращались к этой теме. Из разговора я узнал, что семья у деда Тимофея большая, больше половины деревни Михайловки приходится ему родственниками, что помещика Евпраксина живьем никто не видел, потому что он живет в Москве, как и положено помещику, а в имени никогда не бывал, ибо нечего ему там делать. Цены на соль и на шелк растут год от года, и купцы говорят, что это из-за войны с немцами. Война идет уже третий год, и каждую весну проходит рекрутский набор, а в прошлом году еще один набор был осенью. А в Троицком монастыре тоже, говорят, провели внеочередной набор монахов. Несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом, молодых мужиков в войско забрали не всех, и ничего интересного, в общем, в мире не происходит.

— А кто на нашей стороне воюет? — спросил я. — Англичане, французы?

— Немцы какие-то воюют, — ответил Тимофей. — Одни немцы за нас, другие против нас, а какие из них кто, простому человеку не разобрать.

— Первая мировая война? — предположил Усман.

— Вполне может быть. Слушай, дед, а пушки в русской армии есть?

— В войске-то? Есть, а как же, есть пушки.

— А танки?

— А это еще что?

— Повозки такие бронированные с пушками.

— Нет, о таком не слыхал. Да и зачем повозки бронировать? От божьего слова броня не защитит.

Дальше разговаривать было бессмысленно. Половину вопросов дед не понимал, а на вторую половину отвечал так, что

понятнее не становилось. Потихоньку мы перешли на более житейские темы. Я рассказал анекдот про то, как молодой человек пошел к родителям любимой девушки просить руки их дочери, а будущая теща предложила ему с ней переспать. Будущий зять пошел к машине за презервативом, где его встретил будущий тесть, который сообщил ему, что это было испытание, которое он успешно выдержал, раз покинул дом с таким загадочным выражением на лице.

— А что такое презерватив? — спросил Тимофей и добавил, выслушав мои объяснения: — Придумают же люди... грех это божьему промыслу препятствовать.

— В каком смысле? — не понял я.

— В таком смысле, что раз кому суждено дите зачать, так это божий промысел и препятствовать ему нечего. Иначе генна огненная.

Больше я не рассказывал анекдотов.

Ближе к вечеру, когда наш обоз свернул с главной дороги на проселок, едва намеченный колесами немногочисленных телег, дед снова начал горланить песни, все были похабные, а некоторые довольно смешные. Когда дед устал, я спел пару песен из «Сектора Газа», которые понравились деду гораздо больше, чем анекдот про тещу. Он только не понял, что такое педераст. Пришлось объяснить, а потом выслушать очередную тираду о грехе. Какие-то здесь они все слишком религиозные.

А потом мы с Усманом попытались спеть дуэтом «Звезду по имени Солнце», но это не удалось, потому что все три аборигена снова повалились на колени и стали умолять не губить их грешные души. Остаток пути мы ехали молча.

Михайловка оказалась совсем маленькой деревушкой, не больше двух десятков домов, если только эти халупы можно назвать домами. Вместо окон узкие горизонтальные щели в одно бревно, затянутые бычьим пузырем, ни одной трубы над крышами, печка дымит прямо в комнату, а потом дым выходит в узкие щели под потолком. Интересно, конечно, увидеть живьем, что представляет собой древнерусская курная изба,

но жить в таком доме я бы не хотел. Даже в продвинутой двухэтажной модификации, что отличается от базовой тем, что скотина содержится отдельно от людей на первом этаже, именуемом «подклеть».

Такая изба в Михайловке была одна, и жил в ней дед Тимофей, который оказался деревенским старостой. Местное население, удивительно многочисленное для такой маленькой деревеньки, слушалось его беспрекословно. В продвинутой избе нам было выделено место для почетных гостей, взглянув на которое я осведомился у Усмана, не было ли в «Газели» репеллента от вшей и клопов. Усман мрачно сообщил, что не было.

Оружие и экипировка отправились под лавку, а Усман — в свеженатопленную баню. Судя по интонациям, звучавшим в голосе деда, когда он говорил о бане, это была единственная баня в радиусе километров тридцати, и он очень гордился этим фактом. Я остался сторожить оружие, стараясь не обращать внимания на уверения деда, что здесь у нас ничего не украдут. Скорее всего, и вправду не украдут, но расслабляться все равно не стоит.

Усман вернулся только через час, в холщовых домотканых портах и такой же рубахе, распаренный и удовлетворенный, и выглядел он настолько странно, что я не удержался и спросил, что с ним случилось в бане. Усман загадочно улыбнулся и сказал, что ничего плохого не случилось, а дальнейшие мои расспросы проигнорировал.

Я отправился в баню, и стоило мне переступить порог, как я сразу сообразил, почему у Усмана было такое лицо. В предбаннике сидели две женщины, одна совсем еще девчонка, другая постарше, они были совершенно обнажены и их глаза не оставляли сомнений в том, что сейчас со мной будут делать. Я не сопротивлялся.

Спустя вечность, когда обе крестьянки и я были совершенно счастливы, я случайно посмотрел в сторону дверей и увидел, что у порога дожидается вторая смена. Еще две девчонки, совсем молодые, лет по тринадцати, и несколько менее красивые. Они что, решили пропустить через меня всю деревню?

Я решительно запротестовал, крестьянки не возражали, и мы отправились в парную. Дальше все было так, как обычно бывает в русской бане, не было только купания в ледяной воде, потому что рядом с баней не оказалось ни пруда, ни речки. Девчонки сказали, что зимой они валяются в снегу, но сейчас снега еще недостаточно. В общем, как в пошлом анекдоте, пошел грузин в баню, заодно и помылся.

Когда ритуал мытья был завершен, я обнаружил, что моя одежда уже постирана и для меня приготовлен комплект холщового белья неопределенного цвета и фасона. Но одеться мне сразу не дали. Я понимаю, что мог воспротивиться, но мне не хотелось, я убедил себя, что по местным меркам тринадцатилетняя девчонка считается взрослой женщиной, что никакая это не педофилия... в общем, я уступил. Кстати, ни одна из этих девчонок не оказалась девственницей, так что моя совесть окончательно успокоилась.

А потом мы сидели, сбившись в тесную кучу, за голым деревянным столом, освещенным вонючей лучиной, и ели деревянными ложками безвкусную кашу, которую запивали самогоном отвратительного качества. Я ограничился порцией граммов в сто, мне показалось, что вторая порция если и не окажется смертельной, то уж точно заставит закуску отправиться в обратное путешествие. Усман вообще отказался от выпивки, мусульманин, блин. В общем, ужин несколько испортил общее впечатление от деревенского гостеприимства, но ненамного.

А потом все было съедено и выпито, и аборигены стали укладываться на ночлег. Нам с Усманом выделили на двоих почетную лежанку на печке и еще двоих девиц, чтобы не было скучно. Я спросил Тимофея, с чем связан такой обычай, он к этому времени уже изрядно захмелел и потому ответил просто и понятно.

— Не знаю, кто вы такие, — сказал он, — дикие монахи, беглые стрельцы или ангелы небесные, — он перекрестился, — но одно я знаю точно: ваше семя нашей общине не повредит. Я буду молиться, чтобы от вас понесли все молодки, но, даже если понесет хотя бы одна, это уже будет хорошо. Слишком редко к нам заходят почетные гости.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИФРИЛОВЫЙ КРЕСТ. *Роман*

Глава 1. ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР	7
Глава 2. ДОРОГА К ХРАМУ.	73
Глава 3. ХРАМ ИЗНУТРИ	131
Глава 4. ВАМПИР НА СЛУЖБЕ ЦЕРКВИ	195
Глава 5. ВЕРА	245
Глава 6. ПРЕЛЮДИЯ К АРМАГЕДДОНУ	305
Глава 7. АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ	379

НЕБЕСНЫЕ ВОИНЫ. *Роман*

Часть первая. РАЙ ГДЕ-ТО РЯДОМ.	443
Часть вторая. РАЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ.	502